

XI ОСЕННИЙ ФИННО-УГОРСКИЙ СЕМИНАР

6 декабря 2018 года состоялся XI осенний финно-угорский семинар «Языковое родство, языковая типология и ареальная лингвистика» в Институте эстонского языка. Было представлено девять докладов, в которых рассматривались как более общие теоретические вопросы, так и этимологии отдельных слов. Выступили докладчики из Эстонии, Швеции и Германии, все выступления прозвучали на эстонском языке.

Темой доклада Свена-Эрика Соосаара (Таллинн) стал протоевропейский субстрат в прибалтийско-финских языках в связи с языковой типологией. Был представлен обзор сделанного до сих пор по изучению субстрата и прежде всего результатов, полученных по греческому языку. С.-Э. Соосаар подчеркнул, что и прибалтийско-финские языки следовало бы комплексно изучать в этом плане, поскольку если характерные для субстрата черты обнаруживаются в нескольких языковых областях, то очевидно, что мы имеем дело с влиянием субстрата, а не со случайными изменениями: к настоящему времени для такого исследования уже имеются типологические базы данных.

Карл Паюсалу (Тарту) говорил о фонологической типологии уральских языков. Проанализированы данные по 33 просодическим и сегментальным признакам из 28 уральских языков или основных диалектов. На основе полученной таким путем квантитативной фонологической типологии выявлены традиционные подгруппы: прибалтийско-финская, саамская, мордовская, марийская, пермская, венгерская, обско-угорская и самодийская, при этом венгерский язык типологически ближе к западным уральским языкам (прибалтийско-финским и саамскому), а обско-угорские образуют отдельную подгруппу среди средне- и восточно-уральских языков. Докладчик указал и на важность ареальных контактов в формировании фонологического своеобразия уральских языков.

Мийна Норвик (Тарту—Турку) и Герсон Клумпп (Тарту) познакомили с созданием типологической базы данных наших родственных языков, которая необходима 1) типологам — не уралистам, поскольку тот или иной язык может быть не описан в достаточно современном грамматическом формате, а также 2) и самим уралистам, чтобы помочь им при составлении более совершенных описаний уральских языков, которые помогут выявить до сих пор не известные данные.

Рогир Блокланд (Упсала) посвятил доклад коми языкам и грамматическому описанию коми языка(-ов). Цель — создание лингвистического фонда для того, чтобы с помощью языково-технологических средств описывать коми языки и составлять грамматики. Вторая существенная цель дигитализации коми языковых материалов — изменить их орфографию таким образом, чтобы носители языка сами могли пользоваться ею.

Петар Кехайов (Регенсбург) сосредоточил свое внимание на том, что обычно не замечают прибалтийско-финские лингвисты, если не исследуют в аспекте исторической лингвистики «скучные» языковые формы. Он познакомил слушателей с карельскими диалектами, распространенными в Мурманской области, практически забытыми прибалтийско-финским языкознанием, о них ничего не написано, отсутствуют упоминания и в прибалтийско-финском лингвистическом атласе. Причины докладчик видит в том, что 1) эти диалекты не представляют интереса для исторического языкознания, поскольку они смешанные, их предшественники лучше сохранились на территории Карелии; 2) отсутствует сообщество, которое можно было бы мобилизовать при поддержке какой-нибудь этнолингвистической программы. Докладчик отметил, что с точки зрения современной диалектологии они все же представляют определенный интерес — например, язы-

ковые формы разного происхождения могли различаться функционально в языке конкретного человека.

Силард Тот (Нарва—Тарту) говорил о макро- и микроглобализации на примере истории финно-угорских сообществ России и эстонского литературного языка. Он подчеркнул, что посторонние влияния на местном уровне более опасны: если всемирная англо-американизация для финно-угорских народов России ограничивается отдельными языковыми проникновениями в области культуры, то русификация на местном уровне ведет к утрате языка, а вместе с языком исчезает и народ — его носитель; в Эстонии был утрачен тартуский литературный язык в начале XX столетия из-за перехода на таллиннский (северноэстонский) литературный, но удалось противостоять онемечиванию и/или русификации, представлявшим макроглобализацию.

Ирис Метсланг (Таллинн) рассказала о двух предположительно русских заимствованиях в эстонском языке: *robi* 'старинный (маленький) денежный знак или монета' и *räsima* 'трясти, вздохнуть, рвать (и ошибаться), топчась, сдавливая и иным путем портить; (вдруг) захватить, садануть'. Для первого она предлагает как источник заимствования рус. *дробь*, для второго — рус. *трясти* (форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения *тряси*).

Вилья Оя (Таллинн) говорила о происхождении прибалтийско-финских де-

скриптивных слов. Она установила среди них исконно прибалтийско-финские, прибалтийско-финско-саамские, заимствованные и слова неизвестного или сомнительного происхождения. Докладчик выделила как заимствованные из одного прибалтийско-финского языка в другой (эстонский > ливский, водский, ижорский; финский > ижорский, карельский), так и слова индоевропейского происхождения (шведский > финский, эстонский; (нижнее) немецкий > эстонский, ливский; русский > карельский, вепский, эстонский, а также наоборот, из прибалтийско-финских языков в индоевропейские (эстонский > эстонско-шведский, балтийско-немецкий, латышский, русский; финский > шведский, норвежские диалекты).

Меэли Седрик и Удо Уйбо (Таллинн) в своем докладе показали, что игра в пятнашки (салки) и наиболее распространенные ее эстонские названия *kull* и *läts ~ lets* представляют собой заимствования: швед. *kull* 'легкий удар, касание' (при игре в пятнашки тоже); а также < нем. *Letzter* и более вероятно < балт.-нем. *Lätsch, Letsch* 'пятнашки (салки)'.
 ВЯЙНО КЛАУС (Таллинн)

Address

Väino Klaus
E-mail: lu@eki.ee